

Секс и общество. Сдвиг социальных установок

Число и тип сексуальных партнеров и конкретные сексуальные техники (что именно люди делают в постели) постепенно становятся исключительно делом личного усмотрения. Главным и единственным критерием моральной оценки сексуальных действий и отношений становится их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается. Осуждению, а порой и юридическому преследованию, подвергается не только прямое сексуальное насилие, но и различные формы сексуального принуждения, на которые раньше не обращали внимания. Нетерпимость к сексуальному насилию и принуждению четко коррелирует с гендерным равенством, демократичностью и просвещенностью общества.

В связи с этим возникает ряд теоретических и научно-практических проблем - как разграничить реальное насилие от условного, игрового, можно ли устранить гендерную асимметричность в процессе ухаживания, сделать так, чтобы «да» всегда было «да», а «нет» - всегда «нет», или же некоторая неопределенность и непредсказуемость, будучи фактором риска, представляет собой неотъемлемый компонент флирта и сексуальной игры?

Важный элемент современной сексуальной культуры - нормализация гомосексуальности, связанная с общим ростом социальной терпимости, ослаблением гендерной биполярности и эмансипацией сексуальности от репродукции. Хотя гомофобия и дискриминализация людей по признаку их сексуальной ориентации во всем мире остается серьезной социально-политической проблемой, по данным массовых национальных опросов, в последние 30 лет наблюдается заметный рост терпимости к однополый любви, особенно среди молодых (18-24 года) и более образованных людей, а также увеличение числа мужчин и особенно женщин, которые признают, что испытывали сексуально-эротическое влечение к лицам собственного пола (чаще всего в юности).

Однако это не сопровождается ни увеличением числа гомосексуальных контактов (в момент опроса или на протяжении жизни), ни увеличением количества людей, считающих себя гомо= или бисексуалами. Исключительные гомосексуалы всюду составляют незначительное меньшинство населения. Парадоксальные, на первый взгляд, результаты получены при опросе немецких студентов. В 1966 и 1981 гг. гомосексуальные контакты в юности имели 18% опрошенных, а в 1996 - только 7%. По мнению Г. Шмидта, это объясняется именно тем, что гомосексуальность стала видимой и слышимой. Раньше подростки играли в гомосексуальные игры просто так, ни придавая этому особого значения. Теперь это поведение стало более проблематичным, поэтому юноши, которые еще не определились относительно своей сексуальной ориентации,

предпочитают его избегать.9

Морально-психологическая нормализация однополрой любви облегчает как самореализацию геев и лесбиянок, так и их социальную интеграцию. В первой половине XX1 века однополые браки или домашние партнерства определенно будут легализованы во всех цивилизованных странах, а дискриминация людей по признаку их сексуальной ориентации станет такой же юридически и морально неприемлемой, как расизм или антисемитизм. Это можно сделать даже без конфронтации с церковью, поскольку речь идет не о церковном браке, а о гражданском союзе, где все налогоплательщики равны. Однако результатом ослабления гетероцентризма и гетеронормативизма (признание гетеросексуальных отношений единственно нормальными) будет не увеличение абсолютного числа или удельного веса геев и лесбиянок, а то, что люди перестанут категоризировать себя и других по этому признаку. Ведь никто не классифицирует и не дискриминирует людей по тому, предпочитают ли они блондинок или брюнеток и практикуют ли они позицию "женщина сверху". В демократическом обществе сексуальная ориентация из политической проблемы постепенно становится делом индивидуального предпочтения. В научно-теоретическом плане это актуализирует изучение бисексуальности, сексологический статус которой в настоящее время неопределен.

Между прочим, де-демонизация гомосексуальности одновременно означает и ее де-поэтизацию. Однополая любовь предстает такой же разнообразной и вариабельной, как разнополая, а сексуальная идентичность становится одной из многих личных идентичностей. У некоторых индивидов она может быть сменной. Вместе с идеей монолитной гей-идентичности рушится и популярная в последней трети XX в. идея всеобъемлющей gay community.

Нормализация гомосексуальности - первый случай социального признания индивидуально-групповых особенностей, не укладывающихся в прокрустово ложе полового диморфизма, гендерной биполярности и репродуктивной модели сексуальности. Постепенно такого же признания добиваются и другие сексуальные меньшинства (трансексуалы, трансвеститы, садомазохисты и др.). Это обостряет проблему соотношения социально-нравственных и медико-биологических критериев депатологизации и демедикализации сексуального поведения и его субъектов. Вопрос не в том, может ли человек размножаться, а может ли он быть полноценным членом социума и совместима ли реализация его сексуальных желаний с безопасностью окружающих людей.

Плюрализация стилей жизни выводит многие старые проблемы из сферы исключительной компетенции психиатрии и сексopatологии и одновременно ставит перед клинической медициной новые задачи. Вместо того, чтобы безуспешно пытаться изменить необычный стиль сексуальной жизни своего клиента, по принципу "телеграфный столб - это хорошо отредактированная сосна", врачи и психологи помогают ему добиться максимально возможного благополучия в рамках его собственной индивидуальности, уменьшив связанные с ней специфические трудности и риски (применительно гомосексуальности - это склонность к депрессии и суициду,

применительно к садомазохизму - проблема разграничения допустимого и недопустимого риска и т.п.).

Принципиально меняется отношение общества к эротике. В XX в. ее включили в число законных предметов массового потребления, но консервативные силы часто использовали это в политических целях. Научные исследования показывают, что административные запреты на эотику большей частью неэффективны, а сами эротические материалы не приносят того вреда, который им приписывают. По мере ослабления сексуальных страхов населения, будут ослабевать и юридические запреты на сексуально-эротические материалы. Потребление эотики становится делом индивидуального усмотрения, а свобода получения и распространения сексуальной информации - одним из неотчуждаемых прав взрослого человека.

Существенный сдвиг в сексуальных установках конца XX в. - нормализация аутоэротизма и мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшие жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое. Хотя некоторые люди продолжают считать мастурбацию опасной и постыдной (авторы Британского национального опроса 1992 г. даже не решились включить вопрос о ней в свою анкету), эти страхи заметно ослабевают. Многие взрослые благополучно женатые люди не только дополняют ею свою партнерскую практику, но и считают ее автономной и самоценной формой сексуальной активности.

Исключительно важной формой сексуального удовлетворения становится виртуальный секс, особенно для тех людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания в обычных отношениях, лицом к лицу. Интернет - это и новая, не ограниченная даже государственными границами, служба знакомств, и возможность проиграть свои воображаемые сексуальные идентичности, и просто шанс выговориться. Как и всякое новое явление, это чревато определенными опасностями, прежде всего - возможностью отрыва от действительности и ухода из реальной жизни в виртуальную. Сексологи уже говорят об особой «виртуальной сексуальной одержимости». Но подвержены ей, как и «телемании», о которой много писали в середине XX в., главным образом люди с уже наличными коммуникативными проблемами и трудностями. К тому же виртуальный секс может использоваться и в целях сексуальной терапии.

Меняются функции коммерческого секса (проституции). В последней трети XX в. в странах Западной Европы он практически перестал выполнять функцию сексуальной инициации подростков и юношей, они делают это в своей собственной среде. Однако проституции остается прибежищем тех, кто по тем или иным причинам не может сочетать сексуальные отношения с любовными - секс без ухаживания, свобода от ответственности, анонимность, техническое разнообразие, возможность удовлетворить какие-то «неканонические», «странные» запросы, разновозрастность, секс вдали от дома, последнее убежище для несчастных, уродливых и больных, и т.д. Чтобы понять это, нужно изучать и типологизировать не только и не столько сексработниц и учреждения сексуального обслуживания, сколько их клиентов. Выработать единую стратегию и социальную политику относительно проституции

западные общества в XX в. не смогли, даже две самые сексуально либеральные страны - Дания и Швеция - в этом вопросе решительно расходятся.

Самая трудная проблема, которую XX век оставил в наследство XXI-му, - отношение к детской сексуальности. В этом вопросе существуют две противоположные и одинаково важные тенденции. С одной стороны, в противоположность средневековой идее имманентной чистоты и асексуальности ребенка (хотя она сосуществовала с идеей имманентной детской греховности, от которой ребенка может уберечь только строгость и родительский контроль), европейская культура нового времени, особенно после Фрейда, признает факт существования детской сексуальности, которую должны учитывать родители и воспитатели и из которой вытекает также право детей и особенно подростков на получение сексуальной информации.

С другой стороны, западное общество, в отличие от ряда древних цивилизаций, остро осознает необходимость защиты детей от сексуальных посягательств и эксплуатации со стороны взрослых. Отсюда - целый ряд социально-правовых проблем, таких как легальный возраст согласия, запрещение производства и распространения детской порнографии и т.д. Поскольку дети - естественные жертвы всех, включая сексуальные, злоупотреблений взрослых, покушения на них всегда были частыми, они вызывают сильную эмоциональную реакцию со стороны общества, которую консервативные силы часто используют для разжигания массовой истерии в средствах массовой информации. В спорах на эти темы зачастую непонятно, идет ли речь о защите детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых, или от их собственной пробуждающейся сексуальности. Чтобы корректно поставить эти вопросы, необходимо теоретическое уточнение целого ряда понятий, включая понятие «педофилии» и «сексуального совращения». При этом неизбежно возникает множество деликатных вопросов, например, наличие потенциально эротических компонентов в материнской и отцовской любви, разграничение осознанных и неосознанных мотивов эмоциональной привязанности взрослых к детям и т.д. Это не сексологические, а психологические вопросы, которыми предстоит заняться ученым XXI века.

Индивидуализация и плюрализация сексуальных отношений обогащает сексуально-эротический репертуар и освобождает людей от многих древних табу и страхов, но одновременно порождает новые психосексуальные проблемы. Иначе просто не может быть, высшие человеческие потребности принципиально ненасыщаемы, их удовлетворение не имеет простых стандартных решений.

Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной, прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX века стали скука и отсутствие сексуального желания - люди имеют все социальные и физиологические предпосылки для занятий сексом, но их просто не тянет к нему. Созданные масс-медиа мифы порождают у людей завышенные, не принимающие в расчет их собственную индивидуальность, ожидания и требования к сексуальному удовлетворению, что неизбежно порождает разочарования.

